

А. А. СЕРЫХ

ПОКОЛЕНИЕ «ВОСЬМИДЕСЯТНИКОВ» И ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ ИСТОРИКОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Статья посвящена исследованию проблемы поколений в российском обществе конца XIX – начала XX в. Особое внимание уделено поколенческой самоидентификации историков, вступивших в научное сообщество в 1880-е гг. Определены основные компоненты образа поколения «восемидесятников» и его роль в формировании поколенческой идентичности русских историков.

Ключевые слова: поколение, идентичность, «восемидесятники», научное сообщество, отечественные историки рубежа XIX–XX вв.

На современном этапе развития науки процесс междисциплинарного взаимодействия приводит к изменению проблемного поля и формированию новых исследовательских направлений. Разработка проблемы поколения также все чаще выходит на новый, междисциплинарный уровень исследования. Примером могут быть вышедшие одновременно сборники «Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России»¹ и «Поколения в социокультурном контексте XX века»², в которых проанализирован уже накопленный опыт изучения теории поколений как с точки зрения социологического, так и философского подходов, предложен ряд новых вариантов определения понятия «поколение», а также показаны возможные варианты межпоколенческих коммуникаций.

Вместе с тем, проблема поколений получает развитие и в отдельных научных дисциплинах, например в литературоведении. Так Н. Арлаускайте³, В. Г. Арсланова⁴, Т. И. Печерская⁵ раскрывают поколенческую проблематику в исследованиях, посвященных процессам развития и трансформации отдельных жанров и направлений отечественной литературы. Предметом изучения И. М. Каспэ⁶ стало литератур-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-5404.2010.6.

¹ Отцы и дети...

² Поколение в социокультурном контексте XX века...

³ Арлаускайте. 2005. С. 212-231.

⁴ Арсланов. 2005. С. 598-614.

⁵ Печерская. 1999.

⁶ Каспэ. 2005.

ное поколение, возникшее в послереволюционной эмиграции (1920–1930 гг.). Автор на примере молодого поколения эмигрантов раскрыла структуру и характерные особенности «незамеченного» поколения. М. О. Чудакова посвятила свои работы литературным поколениям советского общества, рассмотрела условия становления отдельных поколений, но главное – процесс смены поколений⁷.

В рамках исторической науки проблема поколений долгое время оставалась малоизученной. Как отмечал П. Нора, многие историки вслед за М. Блоком и Л. Февром, хотя и осознавали «незаменимый свет, который могло бы пролить поколение на понимание эпохи, в целом отказались от этой категории как от схематичной, неэффективной, грубой и в конечном счете не столько плодотворной, сколько обедняющей»⁸. Но, существующие с середины XIX в. и постоянно развивающиеся философские и социальные подходы к проблеме поколений все же создали основы для работы в рамках конкретной историко-культурной проблематики уже в середине XX в. Так, например, монография Р. Уола посвящена судьбе «поколения 1914 года» в Британии, Германии, Франции⁹.

В советской исторической науке исследование проблемы поколения носило фрагментарный характер. Понятие «поколение» использовалось, как правило, при изучении общественно-политических движений в различные периоды отечественной истории, при этом само понятие «поколение» способствовало скорее сохранению риторики изучаемой эпохи или применялось в качестве метафоры¹⁰.

В настоящее время поколенческий метод получил широкое распространение в исследованиях по истории исторической науки, но потенциал теории поколений в российской историографии остается пока не в полной мере реализованным. Большинство современных исследований направлено на изучение развития отечественной исторической науки в середине XX в. Так, Л. А. Сидорова¹¹ раскрыла условия существования трех поколений историков в рамках научного сообщества середины XX в. – историков «старой школы», первого марксистского и послево-

⁷ Чудакова. 1998. С. 73-91; Она же. 2006. С. 260-268.

⁸ Нора. 1998. С. 55.

⁹ Wohl. 1979.

¹⁰ М. В. Нечкина в работе «Встреча двух поколений» анализирует «революционную ситуацию» в России в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Заметим, что для автора понятие «поколение» скорее метафора. М. В. Нечкина отмечает, что в середине XIX в. произошла «смена периодов революционной борьбы», которую иначе можно назвать «встреча двух поколений».

¹¹ Сидорова. 2008.

енного поколений. Исследованию послевоенного поколения советских историков посвящено диссертационное исследование Н. В. Кефнер¹², в котором рассмотрена специфика «научной повседневности» молодого поколения историков, вступивших в профессиональное сообщество в 1950-е гг. В то же время, дореволюционные поколения историков пока не стали самостоятельным предметом изучения. С использованием поколенческого метода выполнена работа Т. Бона, посвященная Московской исторической школе конца XIX – начала XX в.¹³ Но автор исследует, прежде всего, научную школу и роль в ней П. Н. Милокова. Определяя понятие «восьмидесятники» как «идеальный тип», Т. Бон отмечает, что оно служит средством, но не целью исследования.

Отметим, что понятие «восьмидесятники» и соответствующий образ поколения сложился в русской литературе и публицистике к концу XIX в. Д. Н. Овсянко-Куликовский отмечал, что при создании литературных образов оказывались значимыми не все «черты жизни», а только наиболее характерные из них, «то, что нужно для художественной правдивости, для типичности, для яркости образа»¹⁴. Именно в результате подобных художественных обобщений возник образ типичного «восьмидесятника». По мнению В. К. Кантора, «русская литература стала русской Библией, творцом нравственно-исторических смыслов для своего народа»¹⁵, поэтому мы можем говорить о том, что созданный в литературе образ «восьмидесятников» оказался значимым при формировании общественных представлений о поколении восьмидесятых годов XIX в. Мы ставим целью выяснить, насколько сложившийся литературный образ был приемлем для историков, вошедших в научное сообщество в 1880-е гг., а также возможно ли применение характеристик «поколения восьмидесятников» к историкам конца XIX – начала XX в.?

Существует традиция определения 1880-х гг. как периода «затишья» и «безвременья». Эти определения эпохе дали ее современники, которые, наблюдая за процессами, происходящими в обществе, подчеркивали их отличие от движения шестидесятых годов и последующего подъема общественно-политической активности рубежа XIX–XX вв. Кризис общественных настроений 1880-х гг. имел различные формы проявления. Для одних он проявлялся в общественно-политическом «затишье» и уходе в «подполье», для других – в возвращении к узкопро-

---

¹² Кефнер. 2006.

¹³ Бон. 2005.

¹⁴ Овсянко-Куликовский. 1989. С. 459.

¹⁵ Кантор. 2005. С. 359.

фессиональной деятельности, а для молодого поколения 1880-х гг. время «затишья» совпало с периодом взросления и формирования мировоззренческих позиций.

Образ «восьмидесятников» начинали формировать еще представители поколения 1860-х гг., недовольные нерешительностью и безынициативностью молодого поколения в общественно-политической жизни. Так, например, неоднозначный образ «восьмидесятников» создал Н. В. Шелгунов. Можно предположить, что для публициста атмосфера 80-х гг. XIX в. была «чужой», в то время как настроения 60-х гг. XIX в. с их активной общественно-политической и революционной деятельностью были «своими». В оценке Н. В. Шелгуновым 1880-х гг. прослеживается конфликт «отцов и детей». Н. В. Шелгунов, сравнивая характер, содержание и интенсивность общественно-политических процессов происходящих в обществе в 1860-е и 1880-е гг. пришел к выводу о том, что поколение «детей» не поддержало идеалов «отцов».

Атмосфера 1880-х гг., по мнению Н.В. Шелгунова, способствовала появлению молодого поколения, одной из основных черт которого был эгоизм: «Одни из них сели под елью, другие сформировали “новое литературное поколение”, третьи начали читать книги Ману и ушли в буддийскую мораль, четвертые отправились в паломничество к графу Л. Н. Толстому. Все это были лишь разные формы личного эгоизма, стремление единоличного я создать себе место в природе и найти уютную атмосферу в независимом личном положении»¹⁶. Размышления Шелгунова о поколении 1880-х гг. основывались на накопленном личном опыте, на ином восприятии действительности. Н. В. Шелгунову, как «человеку 1860-х гг.» была в некоторой степени непонятна система поведения, но главное, образ мысли нового поколения. Действия (или напротив бездействие) поколения 1880-х гг. не укладывались в ту модель поведения, которая активно транслировалась в 1860-е гг., и именно это стало причиной для обвинений следующего поколения в эгоцентризме и безынициативности.

Наблюдая за молодым поколением 1880-х гг., Н. В. Шелгунов выделял в его среде несколько групп. С одной стороны, «восьмидесятники» – это петербургская молодежь, которая, по мнению публициста, во многом следовала идеям Л. Н. Толстого и «рекламировала себя поколением восьмидесятых годов»¹⁷. С другой стороны, «восьмидесятники» – это провинциальная молодежь, не имеющая ничего общего с петербург-

¹⁶ Шелгунов. 1895. С. 640.

¹⁷ Шелгунов. Указ. соч. С. 646.

ским «новым литературным направлением». У этих людей, по мнению Н. В. Шелгунова, есть «и живое чувство и деятельная любовь, и стремления, и потребность дела...»¹⁸. Сложность ситуации заключается в том, что характеристики, данные Н. В. Шелгуновым поколению 1880-х гг., не всегда совпадали с самоидентификацией молодого поколения.

Л. Н. Толстой, которому Н. В. Шелгунов отдает роль «лидера поколения», был, по признанию самих «восемидесятников», не столь значительной фигурой для поколения. Так, А. А. Кизеветтер критически оценивал влияние писателя: «Одно время увлечение “толстовством” охватило известную часть молодежи. Прозелиты “толстовства” бросали университет, обрекали себя на аскетическое существование, пробовали устраивать вдали от городской жизни колонии с целью “жизни по Толстому” <...> Но это течение никогда не получало такого широкого развития, чтобы про него можно было сказать, что оно налагало печать на духовный склад целого поколения»¹⁹.

Рассвет популярности Л. Н. Толстого приходится на середину 1890-х гг., по словам П. П. Перцова, «в те годы было почти всеобщей мечтой – съездить к Толстому. Его имя было у всех на устах; все взоры были направлены на Ясную Поляну»²⁰. Но в 1880-е гг. философские взгляды Толстого не были столь популярны, так как они не «совпадали» с общественно-культурными настроениями. А. В. Амфитеатров отмечал: «Если что было неприятно и антипатично для нашего поколения в Толстом, то это, конечно, его религиозность и ярко выраженная вражда к материализму»²¹. Взгляды Л. Н. Толстого совпали со склонностью к мистицизму молодого поколения 1890-х гг., но для «восемидесятников» религиозность писателя оставалась непонятной и неактуальной.

Впоследствии сложившийся образ «восемидесятников» поддерживало и развивало молодое поколение начала XX в., используя его для укрепления собственной поколенческой идентичности. Р. В. Иванов-Разумник скептически характеризовал период 1880-х годов: «Мещанство, мещанство и мещанство – таков тусклый облик восьмидесятых годов»²². Заметим, что Иванов-Разумник замещал характеристики эпохи и поколения: освещая общую атмосферу 1880-х гг., он переносил ее оценку и на поколение «восемидесятников». В результате такого замещения

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Кизеветтер*. 1997. С. 128.

²⁰ *Перцов*. С. 119.

²¹ *Амфитеатров*. 2004. С. 445.

²² *Иванов-Разумник*. С. 55.

«эпоха» и «поколение» воспринимались как единое целое, как следствие, терялись уникальные черты как одного, так и другого элемента.

Принципиальное отличие позиций Н. В. Шелгунова и Р. В. Иванова-Разумника заключается в том, что последний оценивал эпоху 1880-х гг. с позиции поколения «детей». Для поколения начала XX в. «затишье» 80-х гг. XIX в. особенно ярко проявлялось на фоне интенсивной общественно-политической деятельности рубежа XIX–XX вв. Кроме того, в отношении молодого поколения начала XX в. к 1880-м гг. прослеживается характерная позиция «детей» в конфликте с «отцами». Поколение начала XX в. создает новые мировоззренческие ценности, развивается в новых социокультурных условиях, которые являются для них «своими», в то время как мировоззренческие взгляды и позиции «отцов», поколения 1880-х гг., оказываются неактуальными. Если Н. В. Шелгунов сравнивал прошлое и настоящее, оставляя приоритет за прошлым, то Р. В. Иванов-Разумник и молодое поколение начала XX в. при сравнении разных периодов времени, напротив, подчеркивали значимость и верность позиций будущего, но не прошлого.

Важно, что у самих «восьмидесятников» сложился совершенно иной образ поколения. К «восьмидесятникам» мы, вслед за Н. В. Шелгуновым, относим группу людей, которая «должна была родиться между 1858–1868 гг., кончить гимназию между 76 и 86 гг., а университет между 80 и последующими годами»²³. Так, например, А. В. Амфитеатров родился в 1862 г., а в 1885 г. окончил Московский университет, но главное, что он имел «общий жизненный опыт» с другими представителями поколения 80-х гг. XIX в.²⁴ Публицист, как и многие представители поколения 1880-х гг., отрицал тот образ «восьмидесятника», который был популярен в литературе и публицистике. Называя восьмидесятников «неудачным поколением», Амфитеатров отмечал, что вина за их «неудачность» лежит на поколении шестидесятников: «Ибо эти светлые личности и чудные люди все делали прекрасно – оплошали только в одном: не воспитали нас в семье и не образовали в школе»²⁵. Амфитеатров воссоздает возможный разговор «отца-шестидесятника» и «сына-восьмидесятника», при этом автор поддерживает позицию младшего поколения: «Ты меня укоряешь чуть не каждый день, что я мало читал, не умею мыслить, что у меня нет идеа-

²³ Шелгунов. Указ. соч. С. 638.

²⁴ О значении «общего жизненного опыта» как фактора поколенческой идентификации в статье К. Мангейма «Проблема поколений» (1998).

²⁵ Амфитеатров. 1903. С. 49.

лов, что я лишен принципиальной чуткости. Верно. Кто меня сделал таким? Гимназия. Кто меня отдал в гимназию? Ты»²⁶. По мнению Амфитеатрова, «разрыв поколений» шестидесятников и восьмидесятников произошел в семидесятые годы, когда поколение шестидесятников не смогло воспитать мировоззренческие ценности будущих восьмидесятников. А. В. Амфитеатров, как и Н. В. Шелгунов, втянут в конфликт «отцов и детей», но при этом рассматривает проблему с позиции поколения «детей» и винит поколение «отцов», то есть «шестидесятников» в сложившейся ситуации. «Восьмидесятники» признают, что не оправдали возлагаемые на них надежды «отцов», они знают и понимают «идеалы отцов», но не соответствуют им. Именно поэтому, «восьмидесятники» ищут причины, которые могли бы оправдать их позицию, и одну из них находят в системе воспитания. И. Г. Яковенко отмечает: «Малые качественные подвижки рождают слабые поколения. Великие потрясения – мощные и сильные»²⁷. Вероятно, поколение 1880-х гг. было тем самым «слабым поколением», которое следовало за «сильным» поколением «шестидесятников» и предшествовало не менее сильному поколению начала XX в. Оно не смогло сформировать собственной самостоятельной мировоззренческой позиции, в результате, на рубеже XIX–XX вв. поколение 1880-х гг. находилось в ситуации постоянного оправдания, как перед минувшим поколением «отцов», так и перед взрослеющим поколением «детей».

Сложившаяся ситуация способствовала созданию в литературе и публицистике рубежа XIX–XX вв. устойчивого образа «восьмидесятника», который включал в себя такие характерные черты как эгоцентризм, общественную и политическую безынициативность и смиренное принятие окружающей действительности. Понятие «восьмидесятники» стало штампом, определяющим, с одной стороны, поколенческую принадлежность, а с другой – наделяющим поколение 1880-х гг. целым рядом негативных оценок. Именно поэтому отношение поколения 1880-х гг. к понятию «восьмидесятники» было противоречиво.

В рамках научного сообщества, в кругах общения молодого поколения историков, понятие «восьмидесятники» не пользовалось особой популярностью. Появление «восьмидесятников» П. Н. Милюков относил к результатам исторической ситуации, взгляды двух других поколений («семидесятников» и «девяностидесятников»), характеризовались П. Н. Милюковым как противоположные позиции «восьмидесятников»,

---

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Яковенко. 2005. С. 115.

но близкие ему: «С ними (восьмидесятниками – А. С.) я вел борьбу, возвращаясь нарочито под знамя “семидесятичства”. За нами, “семидесятичниками”, уже стучалось в двери истории поколение “девяностников” – декадентов и символистов, тогда еще не успевшее обозначиться публично и мне лично неизвестное»²⁸.

К. Мангейм теоретически обосновал возможную причину отсутствия поколенческой идентичности. Определяя энтелехию как внутреннее единство поколения²⁹, он отмечал: «Поколения, которые не смогли развить свою собственную энтелехию, стараются по возможности объединиться со старшим поколением, деятельность которого в этом направлении могла быть более успешной, или с младшим поколением, которое, возможно, окажется удачливее их»³⁰. П. Н. Миллюков стремился «отступить» к минувшему поколению, формулировку «возвращаясь нарочито под знамя “семидесятичства”» можно интерпретировать как осознание П. Н. Миллюковым своей близости к поколению 1880-х гг., но различие точек зрения в политических вопросах, при схожести других позиций, не позволяет историку признать себя представителем поколения 1880-х гг.

Важно отметить неустойчивую поколенческую самоидентификацию историка. Он отмечал, что принадлежит к «семидесятичникам», в то время как в воспоминаниях о В. О. Ключевском затрудняется точно определить собственную идентификацию: «Для нас, не то семидесятичников, не то восьмидесятников, Ключевский является уже придаточным звеном традиции, кристаллизовавшейся десятилетием раньше, в шестидесятых – семидесятых годах»³¹. На наш взгляд, причина подобных «разночтений» состоит в том, что к «восьмидесятникам» П. Н. Миллюков относил себя по возрастному критерию, в то время как к «семидесятичникам» историк был близок по мировоззренческим взглядам. Показательна ситуация, возникшая на обеде у Миллюкова по случаю успешной защиты магистерской работы. В. А. Мякотин произнес речь и, по дневниковым записям Н. Н. Платоновой, отмечал, что «хотя “восьмидесятники” кличка позорная, но “все мы восьмидесятники и у нас есть свои идеалы; иным эти идеалы могут показаться “бреднями” (м[ожет] б[ыть] намек на слова С. Ф.)»³², но все-таки мы ими дорожим и у нас есть свои вожаки,

²⁸ Миллюков. 2001. С. 124.

²⁹ Мангейм. 1998. С. 13.

³⁰ Там же. С. 33-34.

³¹ Миллюков. 1912. С. 196.

³² На обеде присутствовал С. Ф. Платонов, который несколько неудачно, по мнению Н. Н. Платоновой, в одном из спичей затронул тему о мировоззренческих позициях славянофилов и западников.

один из них П. Н., за здоровье которого я и пью»³³. П. Н. Милуков поблагодарил за речь, но отметил, что, по словам самого В. А. Мякотина «восьмидесятники – кличка позорная», поэтому он «против произвольного употребления терминов»³⁴. В воспоминаниях, написанных значительно позже, Милуков отметил только, что «пирушка прошла дружно и весело»³⁵, не акцентируя внимание на инциденте.

Вероятно, определения «семидесятники» и «восьмидесятники» были одним из элементов поколенческой идентификации историков рубежа XIX–XX вв. Историки эмоционально реагировали на вопрос о поколенческом самоопределении, и если для В. А. Мякотина, П. Н. Милукова и близкого им круга лиц, определение «восьмидесятники» было «позорной кличкой», то для А. А. Кизеветтера, определение «восьмидесятник» было приемлемо. А. А. Кизеветтер во многих своих работах затрагивал вопрос об образе «семидесятников» и «восьмидесятников»³⁶ и всегда идентифицировал себя с последними. В статье, посвященной памяти А. А. Корнилова, историк отмечал: «Русская молодежь 80-х годов нередко изображается одной краской, как поколение, якобы совершенно отпрянувшее от увлечения общественными идеалами, и с головой ушедшее в мелкие личные интересы. Я сам принадлежу к этому именно поколению, являясь сверстником А. А. Корнилова, и могу дать точное свидетельское показание о том, что такое огульное суждение о студентах-восьмидесятниках далеко не отвечает действительности»³⁷. Заметим, что Кизеветтер сохраняет и подчеркивает свою причастность к поколению «восьмидесятников», но при этом он отрицает тот образ поколения, который был создан в литературе. Для А. А. Кизеветтера «восьмидесятники» – это одна из форм поколенческой солидарности, основанная на различных критериях, в том числе и на возрастном.

Несмотря на сложившийся стереотип о «безынициативности» поколения «восьмидесятников», историки рубежа XIX–XX вв. принимали активное участие в просветительской деятельности, создании музеев и народных библиотек, организации экскурсий и выставок, чтении публичных лекций. Например, А. А. Кизеветтер и Ю. В. Готье читали лекции в провинциальных городах, А. С. Лаппо-Данилевский руководил

³³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691. Л. 120-120 об.

³⁴ Там же. Л. 120 об.

³⁵ Милуков. 2001. С. 131.

³⁶ Кизеветтер. 1926. С. 234-240; Адрес в честь сорокалетия научной деятельности В. И. Семевского (ГАРФ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.); Кизеветтер. 1997.

³⁷ Кизеветтер. 1926. С. 234.

Научно-литературным обществом, в которое входили студенты Санкт-Петербургского университета³⁸.

В литературе конца XIX – начала XX в. также сложился стереотип об аполитичности «восемидесятников». Заметим, что подчеркивая безынициативность «восемидесятников», имели в виду скорее 1880-е гг., а не само поколение. Действительно, общественно-политическая активность в 80-е гг. XIX в. была значительно ниже, чем в предыдущий и последующий периоды истории, но поколение 1880-х гг. в этот период только вступало в научную и общественно-политическую деятельность, поэтому политическая и общественная активность генерации проявилась несколько позже, в период революционных потрясений начала XX в.

Период политической деятельности историков рубежа XIX–XX вв. совпал с общественно-политическим подъемом начала XX века. Историки, так или иначе, принимали участие в политической деятельности, но их отношение к политике было неодинаковым. Т. Бон отмечает, что политическая активность историков рубежа XIX–XX вв. в начале XX в. была связана с «государственными репрессиями в секторе народного образования» в конце XIX в., а также с популярностью «идей позитивистских социальных философов»³⁹. Согласимся с мнением исследователя, но отметим, что различные оценки политической действительности, а также стремление к участию или напротив ограничение участия в политической деятельности характеризовали скорее личностные качества историков, и не могли отражать специфику всего поколения.

П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер были активными участниками политических событий начала XX в., но обстоятельства и причины политической деятельности у исследователей были различны. П. Н. Милюков в воспоминаниях отмечал, что на рубеже столетий он целенаправленно ушел от профессиональной деятельности в политическую: «Потеряв репутацию начинающего историка, с которой я уезжал из России, я возвращался “домой” с репутацией начинающего политического деятеля. Перемена произошла постепенно, но она была неизбежна в моем положении». Несовместимость профессиональной и политической деятельности П. Н. Милюков подчеркивает сам: «Московские товарищи по профессии оплакивали мой уход, видя в нем – и в обстоятельствах, его вызвавших, “измену” нашей общей науке»⁴⁰.

³⁸ Вопрос об общественной деятельности историков рубежа XIX–XX вв. подробно рассмотрен в монографии Н. Н. Никс «Московская профессура во второй половине XIX – начале XX веков. Социально-культурный аспект» (М., 2008).

³⁹ Бон. 2005. С. 10.

⁴⁰ Милюков. 2001. С. 216.

А. А. Кизеветтер, как и П. Н. Милуков, представитель поколения 1880-х гг. и один из лидеров кадетской партии, иначе объясняет свое участие в политической жизни общества. В воспоминаниях он писал: «Сам же я по природе своей вовсе не политик. Я – ученый и писатель. Бывают в жизни стран грозные моменты, когда каждый гражданин обязан, независимо от своего призвания, принять участие в общей политической “страде”, если у него имеются к тому хоть какие-нибудь способности»⁴¹. Кизеветтер проводил параллель между научным сообществом и политической сферой. В воспоминаниях, описывая свою совместную с М. М. Богословским и Н. А. Рожковым работу в московских архивах, отмечал: «Если бы кто-нибудь следил тогда за ежедневной совместной прогулкой трех молодых доцентов, вряд ли ему пришло бы на мысль, что это идут три будущих политических противника: будущий кадет, будущий октябрист и будущий большевик»⁴², но историк признавал, что работа в политической сфере, активное участие в деятельности партии – это временная необходимость, обусловленная стечением обстоятельств.

Ю. В. Готье также стремился принимать активное участие в политической жизни общества, но в силу ряда обстоятельств, он все же отстранился от политики: «Я не политический деятель, у меня нет для этого темперамента; в 1905, когда я был в к[онституционно]-д[емократической] партии, никто мною не воспользовался, никто меня ни к чему не применил, и не втянул; в этом “кружке добрых друзей и знакомых” мне милостиво предоставили быть темным рядовым. <...> Тем временем я сам в ней разочаровался и после Выборгского воззвания сам вышел из партии до правительственных репрессий, и на всю мою жизнь стал “диким”»⁴³. Причиной неудачной политической деятельностью Ю. В. Готье, вероятно, была личная обида историка на коллег: «Ни Милуков, ни Кизеветтер, ни иные мои знакомые не нашли для меня дела в к[онституционно]-д[емократической] партии»⁴⁴. Возможно, при других обстоятельствах Ю. В. Готье смог бы принимать активное участие в политических событиях страны, именно поэтому мы не можем говорить об аполитичности историка.

Ю. Н. Милютин предлагал С. Ф. Платонову вступить в партию «Союз 17 октября» и участвовать в политической деятельности, на что историк ответил отказом: «Я очень ценю сделанное Вами предложение

⁴¹ Кизеветтер. 1997. С. 320.

⁴² Там же. С. 199.

⁴³ Готье. 1991. С. 157.

⁴⁴ Там же.

стать под знамя Союза и очень благодарю Вас за доверие. Но необходимость закончить устройство того учебного заведения, с которым я связан тесной моральной связью, заставляет меня держаться вне партий и беречь свое время и силы для педагогического дела»⁴⁵. Отказ С. Ф. Платонова отражает личностное отношение историка к политике, стремление историка заниматься профессиональной деятельностью. Помимо отсутствия личного желания, «уйти» в политическую сферу историкам мешало объективное обстоятельство – государственное законодательство. В соответствии со статьей 53 «Положения о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г., лица, занимающие на гражданской государственной службе должность с определенным окладом содержания, обязаны были оставить эту должность в случае избрания их в члены Государственной Думы⁴⁶. Совмещать активную научно-педагогическую и политическую деятельность для историков было невозможно, а в ситуации выбора приоритет часто оставался за научной и педагогической работой.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский обвинял «восьмидесятников» в неразборчивости и называл их «литературными гастрономами». Возвращаясь к мемуарам историков рубежа XIX–XX вв., отметим, что круг чтения действительно был широк. П. Н. Милюков подчеркивал значение Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. И. Успенского. А. А. Кизеветтер писал о значении работ Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но это говорит скорее о разнообразии интересов в рамках поколения, о развитии литературы, о появлении новых имен в литературной среде, но никак не о неразборчивости читателей.

Более того, круг чтения историков рубежа XIX–XX вв., вероятно, является одним из немногих факторов, позволяющих говорить о них как о едином, целостном поколении. И. В. Кондаков отмечает, что «для “поколенческой” идентификации чрезвычайно важна апелляция к общему непререкаемому авторитету (даже если универсальность его воздействия на всех представителей поколения является проблематичной)»⁴⁷. Несмотря на всё разнообразие литературных предпочтений, возможно выделение литературных лидеров поколения, или наиболее популярных писателей. А. И. Рейтблат отмечает, что особой популярностью среди читающей публики пользовался М. Е. Салтыков-Щедрин, популярность

⁴⁵ Платонов С. Ф. – Ю. Н. Милютину... С. 95.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи... С. 650.

⁴⁷ Кондаков. 2005. С. 381.

же Л. Н. Толстого в 1880-е гг. развивалась во многом благодаря публицистическим работам, но апогей ее пришелся на рубеж XIX–XX вв.⁴⁸

Таким образом, сопоставляя литературный образ «восьмидесятников» и поколение историков, вошедших в научное сообщество в 1880-е гг., мы приходим к выводу о несоответствии самоидентификации историков, как представителей поколения 1880-х гг., и того образа «восьмидесятника», который был популярен в обществе. Созданный в литературе образ скорее отражал черты эпохи, которые транслировались и на поколение 1880-х гг., «восьмидесятников» винили в большинстве пороков времени. Вероятно, именно по причине устойчивости негативного образа «восьмидесятников», историки рубежа XIX–XX вв. не стремились идентифицировать себя как «поколение восьмидесятых годов».

Уникальность позиции историков рубежа XIX–XX вв., заключается в том, что генерация воспитывалась в рамках тех правил, которые предлагало научное сообщество конца XIX – начала XX в. Безусловно, влияние литературы и общества было значимо для процесса формирования поколенческой идентичности, но роль научного сообщества была доминирующей. Поэтому к историкам рубежа XIX–XX вв. сложно применять те критерии поколенческой идентичности, которые транслировались литературой, и на которых основывался образ «типичного восьмидесятника». Литературные предпочтения были только одним из оснований поколенческой солидарности, но большее значение для поколенческой идентичности историков имела самоидентификация с той или иной научной школой, или научным лидером. В результате, мы можем отметить, что, если для российского общества конца XIX – начала XX вв. поколенческая солидарность была актуальна, то в рамках научного сообщества русских историков, она замещалась другими видами идентичности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2-х тт. Т. 1. М.: Наука, 2003. 388 с.
- Амфитеатров А. В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2-х тт. Т. 1. М.: Художественная литература, 2004.
- Амфитеатров А. В.* Житейская накипь. СПб.: Общественная польза, 1903. 284 с.
- Бон Т. М.* Русская историческая наука (1880 г. –1905 г.). Павел Николаевич Миллюков и Московская школа / Пер. Д. Троицин. СПб.: Олериус Пресс, 2005. 272 с.
- Готье Ю. В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 155-175.
- Иванов-Разумник Р. В.* История русской интеллигенции: в 3-х тт. Т. 3. М.: Терра, 1997. 366 с.

---

⁴⁸ *Рейтблат.* 1991. С. 72.

- Кантор В. К. Смена поколений в русской культуре: от дяди к племяннику // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2005. С. 337-361.
- Кизеветтер А. А. А. А. Корнилов // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4. С. 234-240.
- Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 гг. М.: Искусство, 1997. 396 с.
- Кондаков И. В. «Отцы», «дети» и «пасынки» в русской культуре (Заметки по социокультурной микродинамике) // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2005. С. 370-405.
- Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7-47.
- Милюков П. Н. В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912. С. 183-217.
- Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. 636 с.
- Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение 1998. № 30. С. 48-72.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 526 с.
- ОР РНБ. Ф. 585. (С. Ф. Платонов) Оп. 1. Д. 5691. Л. 120-120 об.
- Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 489 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XXV. СПб., 1908.
- Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М.: МПИ, 1991. 221 с.
- Шелгунов Н. В. Борьба поколений // Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни. СПб.: О. Н. Попова, 1895. С. 631-650.
- Яковенко И. Г. Механизмы культурной динамики и смена поколений // Поколение в социокультурном контексте XX века / Отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Наука, 2005. С. 112-129.

Серых Анна Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета; anna_sinenko@mail.ru.